

Artykuły recenziyjne

Рецензионные статьи

Виктор П. Макаренко

ЮФУ Ростов-на-Дону

Непобитый рекорд и проблема отношения к чемпионам

Niepobity rekord a problem stosunku do mistrzów

Имя Станислава Андрески почти ничего не говорит современному читателю русскоязычной литературы по философии и социальным наукам. Упоминания о нем можно встретить только в отдельных статьях при обсуждении частных проблем¹. Такая ситуация противоречит реальному вкладу этого британского социолога польского происхождения в современное социальное знание и идейные дискуссии второй половины XX века. Цель данной публикации – частично устранить данный пробел.

О пользе книжного застоя, оккупации Германии и курения

Начну с обычной информации. Станислав Леонард Андрески (Анджеевски) родился 8 мая 1919 г. в Ченстохове. В 1937 г. закончил гимназию в Познани. В 1938 г. поступил на факультет права и экономики Познаньского университета. Участвовал в германско-польской войне 1939 г. Затем попал в советский плен. В 1940 г. через Венгрию перебрался на Запад. Воевал

---

¹ Приведу здесь первые попавшиеся публикации, которые извлек из Интернета: Донде А. (Кустарев) Комментарий Макса Вебера к русской революции // «Русский исторический журнал» (РГГУ), 1998, № 1; Сокал А., Брикмон Ж. Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна / Перев. с англ. Анны Костиковой и Дмитрия Кралечкина. Предисловие СП. Капицы – М.: «Дом интеллектуальной книги», 2002; Воронков В. Этот безумный, безумный, безумный количественный мир // Неприкосновенный запас. 2004, № 3 (35) и др.

в 1 танковой дивизии Польских вооруженных сил на Западе. После второй мировой войны осел в Великобритании. Продолжил учебу в Лондонской школе экономики. В 1953 г. защитил диссертацию. С 1980 г. был профессором сравнительной социологии Польского университета в Лондоне. Преподавал также в ЮАР, Чили, Нигере, США и Канаде. Автор многих статей и книг, в том числе *Military Organization and Society* (1954), *Parasitism and Subversion: The Case of Latin America* (1966), *The African Predicament: A Study in Pathology of Modernization* (1968), *Social Sciences as Sorcery* (1972), *Syphilis, Puritanism and Witch-Hunts: Historical Explanations in the Light of Medicine and Psychoanalysis with a Forecast about AIDS* (1989) и др. *Издатель сочинений Спенсера, Конта и Вебера*. Книга *Max Weber's Insights and Errors* впервые издана в 1984 г., копирайт принадлежит Станиславу Андрески.

Теперь личные воспоминания и мотивы, без которых данная публикация просто бы не появилась. Еще на школьной скамье я освоил польский язык в объеме чтения в оригинале романов Генрика Сенкевича и других польских писателей – классиков и современников. Книжки, журналы и газеты на польском языке в советское время (правда, только те, которые издавались в Польской народной республике) свободно продавались в магазинах «Глобус». Кроме того, во время учебы в аспирантуре я подружился с польским аспирантом. На фоне интеллектуальных бесед мы лихо квасили в ростовских пивных. Спустя некоторое время приятель признался, что его выперли из Варшавского университета после известных мартовских событий 1968 г. Чтобы завершить образование, он вынужден был писать открытое покаянное письмо в официальную газету Польской объединенной рабочей партии. Видимо, для окончательного исправления его послали в аспирантуру провинциального университета СССР.

Но он относился к сократическому типу философа – на фоне блестящей эрудиции писать не мог. Даже диссертацию не состряпал... Так что покаяние не состоялось! Правда, во время работы в вузах Польши и, как говорится, изучения вопроса «изнутри» я убедился, что в советские вузы обычно стремились самые бездарные студенты. По пьяному делу я даже в лоб сказал это одному из них. Чуть было не состоялась драка. Зато *na kasu* (т.е. при утреннем похмелье) он признал мою правоту. Короче говоря, проблема уровня бездарности студентов и аспирантов из бывших социалистических стран, получивших ученые степени в СССР, требует дополнительного изучения. В том числе сопоставления меры бездарности советских слушателей высших партийных школ и академий общественных наук со своими братьями по классу из стран советского блока.

Так или иначе, польский друг регулярно снабжал меня литературой по разным отраслям знания. Среди прочего я прочел сборник *Czy kryzys socjologii?*, вышедший в Польше в 1977 г. В нем были опубликованы свежие работы Ю. Хабермаса, Р. Зимана, Э. Гоулднера, Р. Мертона и других известных

социологов. В том числе отрывок из книги Станислава Андрески «Социальные науки как волшебство: дымная завеса жаргона»². Текст этот мне понравился с первого раза – в нем излагались идеи, которые я развивал своим друзьям еще со школы.

Мой личный житейский опыт складывался так, что с четырех лет я записом читал. С первого класса записался в библиотеки школы, кирпичного и фарфорового заводов, рабочкома на вокзале (отец был железнодорожником), дома пионеров. Мама не раз меня лупила – я постоянно приходил домой поздно вечером, после обхода библиотек. И однажды она сказала: «Ты думаешь, в книгах все правда, а там ее пять процентов, остальное брехня!» Короче говоря, для противодействия советскому книжному яду мама влила мне противоядие. Побудила искать в книгах только правду. А значит – критически относиться к писанному слову.

В последних классах школы я провел немало споров (чуть не до драки) со своими одноклассниками, которые отвергали мою идею: можно устоять перед тотальной брехней со стороны советского режима. Короче говоря, еще до поступления на философский факультет я поставил перед собой цель – не поддаваться советской системе идеологического оболванивания и топтать свою дорогу. От Станислава Андрески я получил неожиданную поддержку, уже после того, как выработал свою систему противодействия всеобщему оболваниванию населения (о ней сейчас речи нет). В отрывке, о котором идет речь, он показал, что социальные науки Запада тоже содержат громадное количество лжи и недоказанных утверждений. Эта общая идея была проиллюстрирована на примере теорий модернизации, теории социальных систем Талкотта Парсонса и вообще системного жаргона в отношении социальных объектов. Старший англо-польский коллега интернационализировал мой личный опыт критического отношения к писанному и устному слову.

Правда, никакой новизны и оригинальности в моем опыте не было. У Иосифа Бродского можно узнать, что на определенном этапе их становления чтение литературы на польском языке сыграло немаловажную роль в отрыве от официоза. И даже детальное освоение текстов классиков тоже способствовало дистанции от официальной политики и идеологии. Например, для реконструкции марксистской теории бюрократии (как элемента общей теории эксплуатации) и применения ее к анализу советского общества и государства я прочел все второе советское собрание сочинений Маркса-Энгельса, а Ленина даже дважды (на это дело у меня ушло десять лет). В результате я написал несколько книг по проблеме бюрократии в сочинениях К. Маркса-Ф. Энгельса, В.И. Ленина, и применил выводы для описания вли-

---

² Сравнительно свежее польское издание книги звучит еще более провокационно: «Черная магия в социальных науках». См.: S. Andreski, *Czarnoksiężstwo w naukach społecznych*, Oficyna Naukowa, Warszawa 2002.

яния бюрократии на советский политический режим до и после Сталина. Эти книги до сих пор цитируются в научной литературе. Однако ни прошлые командиры КПСС, ни современные деятели из контор типа российских компартий и «Единой России» почему-то их игнорируют. Теперь они ссылаются на Макса Вебера³.

Но Вебером я тоже занимаюсь давно. Два года (1977–1979) переводил его работы. Тогда Интернета не было, я заказывал в ИНИОН РАН фотографии первого (посмертного) собрания сочинений Макса Вебера. И на коммунальной кухне, с помощью фотоувеличителя читал его тексты. Затем написал книгу. Но почему-то местный Обллит ее не пропустил, хотя написана она была с последовательно марксовых позиций. Тогда я засунул машинистку в стол и написал две книги по Марксу и Ленину. Книгу о Вебере удалось опубликовать восемь лет спустя после создания.

Короче говоря, художественную и научную литературу на польском языке я читаю почти полвека. Интерес к творчеству Станислава Андрески тоже возник не вчера. Во время работы в Польше я проштудировал его книгу «Озарения и ошибки Макса Вебера». Она тоже меня восхитила, поскольку укрепила в критическом отношении к основателям современного социального знания. Но есть и личный момент: я обнаружил общность нашей читательской психологии.

В предисловии Станислав Андрески пишет: Карл Мангейм сказал ему, что Макс Вебер – величайший мыслитель в сфере социологии, и потому невозможно быть компетентным социологом, не зная его работ. «Тогда я решил подучить немецкий язык, чтобы познакомиться с его сочинениями. И уже спустя непродолжительное время имел для этого прекрасную оказию – оказался в Германии в рядах британских оккупационных сил. Именно тогда после долгих поисков мне удалось выменять за продукты и сигареты все интересующие меня книги. А когда добыл *«Хозяйство и общество»* (1922 года издания), *я не мог спать от возбуждения* [курсив мой – ВМ]. То была первая книжка на немецком языке, которую я прочел от корки до корки. В ожидании демобилизации я провел восемь месяцев со словарем в руке с целью ее невообразимо трудной расшифровки. Когда дошел до конца, я мог уже свободно читать любые немецкие тексты»⁴.

Мне тоже с детства известно – до дрожи тела и кончиков пальцев – возбуждение от предвкушения радости чтения новой книги. Я называю этот феномен «гносеологическое чувство» – имеется в виду то, что обычно связано с радостью познания. Этот фрагмент по-человечески меня покорила. Я списался со Станиславом Андрески, который по возрасту принадлежал к поко-

---

³ См., например: Бюрократия // Большая актуальная политическая энциклопедия. Настольная книга современного политика. М., ЭКСМО, 2009, с. 34–35.

⁴ S. Andreski, *Maxa Webera olśnienia i pomyłki*, PWN, Warszawa 1992, s. 11–12.

лению моих учителей. Послал ему свои работы и просил разрешения на перевод его книги «Озарения и ошибки Макса Вебера» на русский язык. В письме от 13 июля 1999 г. профессор, между прочим, писал: «Очень благодарю за письмо и рад тому, что моя книга Вам понравилась. Охотно согласен на ее перевод и издание на русском языке. К этому изданию я написал бы новое предисловие, поскольку некоторые высказывания Вебера (а также мои замечания) имеют особое применение к способу введения капитализма в России. Кроме того, я бы немного изменил несколько страниц текста»⁵.

Но по семейным обстоятельствам я вынужден был вернуться в Россию, и сообщил об этом Господину Профессору. В письме от 7 июня 2000 г. он писал: «Я был намерен пригласить Вас читать лекции в Польском университете в Лондоне и на запланированный мною симпозиум. Однако на место ректора (которое до сих пор занимали ученые) пришел человек без квалификации. Он не хочет расходовать деньги на встречи, которые не приносят прибыли. В результате симпозиум не состоится. Но я надеюсь с Вами когда-либо встретиться»⁶.

Надежда рухнула. После 2000 года я окончательно осел в Ростове-на-Дону, а в 2007 г. Станислав Андрески умер. Данной публикацией я хотел бы выполнить часть взятого на себя обещания.

Как оценивать теорию Макса Вебера?

Сверхзадача профессора Андрески – оценка концепции Вебера в целом. Вебер всегда подчеркивал значение сравнительного анализа исторического материала. Поэтому Андрески считает, что сравнительная история – главный метод создания любой социальной теории для объяснения социальных процессов. Однако история социального знания XX в. показала: такой подход связан с большими трудностями и потому не привлекает большинства исследователей. В социальном знании XX в. выдвигались либо общие социологические концепции либо развивались эмпирические исследования на базе позитивистского толкования социальных фактов. Сравнительный анализ требует соединения аналитических способностей с накоплением громадного количества конкретных исторических данных. Причем, их объем никогда не может быть установлен строго и окончательно. «Создание школы на основе таких требований, – отмечает Станислав Андрески, – было бы не менее трудно, нежели основание спортивного клуба, в члены которого принимаются только спортсмены с результатами, близкими к рекорду

⁵ Письмо С. Андрески В.П. Макаренко от 13.07.1999. Мой архив.

⁶ Письмо С. Андрески В.П. Макаренко от 7.06.2000. Мой архив.

мира»⁷. Подавляющее большинство членов научного сообщества не ставят себе такой задачи.

Как же добиться такого результата? Если иметь в виду исследовательскую практику Вебера, то как общие социологические теории, так и теории всех социально-исторических форм и типов могут строиться на основе следующих познавательных процедур: сравнительные исторические исследования «структурной» (в смысле школы «Анналов»), а не «событийной» истории; типологические социологические и экономические исследования описательного характера; исследования в сфере философии и общей методологии социальных наук; исторические исследования цивилизаций на основе сравнительного метода; сравнительно-морфологические исследования форм и типов общества; анализ процессов, причин и следствий всех социальных явлений, а не только форм и типов; наконец, все комментарии текущих событий должны быть результатом применения ранее указанных процедур, а не высказываниями социального теоретика с позиции обычного небокопителя, частного лица, члена той или иной социальной группы, гражданина того или иного государства и т.д.

Можно ли во всем социальном знании XX в. (т.е. во всей совокупности сложившихся на протяжении этого периода школ и направлений социальной мысли) указать такую концепцию, в которой бы соблюдались указанные методологические процедуры? Таких концепций не существует. Все указанные познавательные процедуры развивались более или менее изолированно. Синтез до сих пор не достигнут, да и вряд ли когда-нибудь это произойдет. Правда, есть исключение из правил.

С. Андрески имеет в виду школу «Анналов» и сформулированную в ее рамках идею о возможности синтеза всех социальных знаний на основе определенной историографической концепции, в которой выделяются: история длительных временных протяженностей («длинных волн»), которая описывает все аспекты отношения между человеком и природой; история социальных структур (от экономики до культуры) и конъюнктур (специфической пространственно-временной комбинации указанных структур); история событий. Однако школа «Анналов» осталась исключением в социальном знании XX в. Следовательно, «рекорд» Вебера еще не побит, а его исследовательская программа осталась нереализованной. Для оценки данной программы требуется критика всех составных частей веберовских исследований.

Такова главная цель книги, которая распадается на ряд конкретных задач: 1) Предварительные замечания. 2) Философия социальных наук. 3) Главные идеи. 4) Систематическая сравнительная социология. 5) Историческая сравнительная социология: объяснение генезиса капитализма.

---

⁷ S. Andreski, *Maxa Webera olśnienia...*, s. 19.

Здесь я рассмотрю только те элементы, которые имеют непосредственное отношение к главным ошибкам Вебера.

В прелиминариях Станислав Андрески констатирует: немецкие профессора в качестве государственных чиновников проявляли множество свойств типичных бюрократических индивидов (например, сильная забота о собственном статусе); однако по сравнению с зарубежными коллегами они значительно меньше приписывали значение весу отдельных научных дисциплин. Этот фон частично проясняет универсализм Вебера.

Вебер всю жизнь изучал политику, но вряд ли мог бы достичь успеха как партийный политик. Он выражал свои мнения слишком прямо, чтобы это могло нравиться всем. Единственное, чему можно научиться у Вебера в сфере практики – это жесткий и абсолютный (хотя не циничский) реализм при анализе любого вопроса.

В главе о философии социальных наук анализируются ключевые проблемы социального знания: отношение между объективностью и этической нейтральностью; процедура «понимающего описания»; категория социального действия и методологический индивидуализм; концепция идеальных типов.

При анализе *отношения между объективностью и этической нейтральностью* следует учитывать, что такое разграничение укоренено в человеческих отношениях⁸ сохраняется до сих пор в социальном знании. К. Поппер развил эту идею Вебера и ввел критерий демаркации между суждениями о фактах и суждениями о ценностях. Однако попперовский принцип демаркации не выдерживает критики. Если этот принцип применить к методологической концепции самого Поппера, то «(...) можно увидеть, что он не подлежит проверке. Ни Поппер, ни его ученики не задавались вопросом: каким образом данный принцип может быть подвергнут опровержению? На основании собственных критериев этот принцип не является научным»⁹.

С. Андрески детально описывает *сходство* методологии К. Поппера и М. Вебера. Поппер полагал, что изобрел принцип демаркации. Однако этот принцип невозможно ни вывести из философских и математических теорем, ни полагать самоочевидной и несомненной аксиомой. Значит, принцип демаркации относится к метафизике – комплексу понятий, которые не могут быть ни доказаны, ни опровергнуты. По этой причине они не могут быть предметом теоретического рассмотрения. Правда, вышеприведенное определение метафизики есть разновидность дефиниции, к которой неприменимы

---

⁸ «Не существует объективного доказательства, которое может обосновать ложность утверждения: „Нет оснований заботиться о будущих поколениях, поскольку они для нас еще ничего не сделали”». *Ibidem*, с. 39.

⁹ *Ibidem*.

критерии истины и лжи. Но возникает вопрос: почему мы согласны с таким подходом к дефиниции и не является ли он просто модой или странностью? Конвенциональная мудрость состоит в том, что ценность дефиниции считается зависимой от ее пользы. Предположим, что накопление общих утверждений (или научных открытий, в языке Поппера) является целью, во имя которой принцип демаркации можно признать полезным. Но откуда об этом можно знать?

И все же можно согласиться с Попперовским принципом демаркации. История научных открытий показывает, что они обычно совершались теми, кто интуитивно соблюдал принцип демаркации задолго до его формулировки. Те, кто высказывал суждения, не поддающиеся проверке на основании наблюдения, никакого вклада в науку не внесли. Следовательно, общая идея принципа демаркации не является новой. Задолго до Поппера было известно, что тезисы, которые не могут быть проверены, не способствуют развитию науки. В сочинениях Френсиса Бекона содержится эта идея, когда он обсуждает вопрос о роли наблюдения и эксперимента в научном знании. Поппер придал этой идее только надлежащую формулировку. Этот вклад заслуживает признания, но не является новым. Как известно, чистая философия пытается ответить на вопрос: откуда мы знаем, что знаем? В этой сфере сказать что-либо новое крайне трудно.

То же самое можно сказать о гипотетико-дедуктивном методе (далее ГДМ). Поппер и его последователи не пытались обратить этот метод на самое себя. Если эту процедуру рассматривать как эмпирическую генерализацию, описывающую способ поведения тех, кому она неизвестна, то в этом случае можно опереться только на простую индукцию – исследование истории науки с точки зрения *соответствия* между действительными способами совершения научных открытий и ГДМ. Однако Имре Лакатос показал, что такого соответствия не было даже в физике. Еще больше это относится к социальным наукам.

Если рассматривать ГДМ как методологическую директиву, остается неясно, почему мы должны ее соблюдать. И верить Попперу, что только этот метод позволяет совершать научные открытия. Ни принцип демаркации, ни ГДМ не могут быть выведены ни из каких аксиом и теорем математики и логики. Это – принятый на веру эмпирический рецепт. Правда, данную веру можно обосновать индуктивными генерализациями опыта истории науки. Этот опыт частично подтверждает взгляды Поппера. Отсюда следует, что смысл ГДМ сводится к давно известному положению: процесс развития науки требует постоянного устранения логических противоречий.

Короче говоря, Поппер сформулировал такие правила, которые относятся только к части научных открытий, а не к истории науки в целом.

Не менее значимый недостаток его концепции – обоснование антииндукционизма на базе весьма «импрессионистских» обобщений из истории

науки. В «Логике научного открытия» он доказывает, что никакой такой логики не существует. В лучшем случае есть логика фальсификации. К тому же на раннем этапе творчества Поппер полагал, что теория эволюции не является научной, поскольку ее невозможно проверить путем строгого применения ГДМ. Этот вывод Поппера использовали обскуранты, заинтересованные в дискредитации теории эволюции во имя религиозного фундаментализма и вульгарного антирационалистического марксизма. Позже Поппер согласился с квалификацией теории эволюции как науки.

Но даже мягкая версия ГДМ не может использоваться в социальных науках, поскольку с точки зрения критериев ее применимости такие науки не существуют. И потому наследие Вебера и других основателей социального знания XX в. не имеют никакой ценности.

Конечно, социальные науки содержат громадное количество лжи и злоупотреблений. Но отсюда не следует, что все творчество выдающегося ученого является просто мусором. А труды Вебера значат для науки не больше *Что делать?* Ленина и *Main Kampf* Гитлера.

Науку можно определять по-разному, а ее названия различны в конкретных языках. Поэтому нужно так определить науку, чтобы отделить систематические исследования по объяснению причинно-следственных связей и закономерностей социального мира от анекдотов, деклараций и пропаганды. В этимологии слова «наука» не содержится ничего такого, что заставляло бы нас ограничить это название только исследованиями, представляющими наивысшую степень точности.

Парадигму ГДМ и принцип демаркации можно использовать в социальных науках при условии: они не являются абсолютными правилами, а идеями, которыми надо руководствоваться в научном исследовании, никогда их полностью не достигая. Отсюда вытекает, что опровержение того или иного положения (суждения) может быть настолько же *неопределенным*, как и его подтверждение на основе индукции.

В социальных науках эта директива может быть использована на низшем уровне методологической строгости. Однако требование решительного отбрасывания утверждения на основании одного (или нескольких) отрицательных примеров привело бы нас к отказу от любых объяснений в пользу совершенного незнания.

Психологические объяснения относятся только к поведению индивидов. Исторические объяснения трудно сравнивать, поскольку (в отличие от психологических объяснений) они относятся к неповторимым обстоятельствам, и потому их трудно верифицировать. В данном случае принцип демаркации можно использовать для отбрасывания всех теорий, которые невозможно поставить под сомнение на основании фактов. Это относится ко всем веберовским теориям из сферы сравнительной социологии (социологии права, социологии религии, социологии господства, бюрократии, харизмы, феода-

лизма, патримониализма, в некоторых теориях из сферы исторической сравнительной социологии (объяснение генезиса капитализма).

Веберовский постулат «свободы от ценностей» можно использовать как принцип демаркации, но не как рекомендация цинизма или пассивности в социальных науках. Принятие этого постулата способствует прогрессу знания. Правда, история социальных наук обеспечивает весьма скромными обобщениями относительно эффективности различных исследовательских методов. В то же время прогресс знания в социальных науках происходил главным образом за счет накопления информации о фактах и общих понятиях, которые удовлетворяли требованиям постулата «свободы от ценностей». Этот постулат позволяет провести границу между сведениями о фактах и понятиях – и декларациями и догматическими суждениями о человеческих делах, вытекающих из желаний и страстей.

В социальных науках обоснованность утверждений зависит от того, можно ли их содержание проверить публично. Причем, оно должно быть свободно не только от ценностей, но и от любой практической пользы (и ориентации на нее). Чувства того, кто высказывает и формулирует утверждения, не имеют значения и не подлежат публичному анализу.

Вебер рассматривал «свободу от ценностей» как существенный элемент объективности. Однако его понимание «объективности» не является строгим и включает два смысла: объективность есть свойство знания; объективность есть позиция исследователя. Во втором смысле «объективность» означает: волю и способность ученого предотвратить воздействие чувств и желаний (страстей) на ход его рассуждений; готовность ученого согласиться с неприятными для него выводами, вытекающими из исследований, и отбрасываемыми искушения формулировать такие выводы, которые соответствуют его желаниям; готовность ученого к проверке своих концепций на основе эмпирических данных и критериев логики.

Такая позиция имеет смысл лишь тогда, когда мы исходим из постулата о достижимости объективного знания. Этот постулат предполагает согласие с критериями «истины» и «лжи», без которых понятия «проверки» и «доказательства» теряют всякий смысл. Объективность – это атрибут всех научных суждений, если их можно проверить на основании общедоступных наблюдений.

Вебер был убежден, что в социальных науках объективность возможна и достижима в обоих смыслах. Проблема в следующем: можно ли полагать, что мировое научное сообщество и научные сообщества всех стран руководствуются указанными мотивами поведения? На этот вопрос невозможно дать однозначно положительный ответ.

Следующая ошибка Вебера – изобретение термина «понимающая социология». Это выражение уже давно сбивает с толку целые поколения исследо-

вателей, вошло в словари, распространено в социальных науках. Почему же данное понятие является претенциозным и излишним?

Если цель социологии – понимание способа функционирования общества, то снабжение социологии ярлыком «понимающая» тождественно выражению «масло масляное». Что же имел в виду Вебер, когда пользовался выражением «понимающая социология»? Вебер был великим мыслителем. Значит, его цель не заключалась в эпатировании читателя обычным пустословием. Это выражение можно понимать в том смысле, что собственную социологию он квалифицировал как «понимающую». Однако во всех текстах Вебера невозможно обнаружить такое утверждение. Главное содержание сочинений Вебера – стремление обнаружить фундаментальное различие между науками о природе и науками о культуре. Науки о природе «объясняют» действительность, а науки о культуре (в состав которых входит социология) претендуют на «понимание» социокультурной действительности. Тем самым выражение «понимающая социология» является обычным плеоназмом. Если при исследовании общества и культуры мы всегда стремимся «понять» действительность, то на каком основании полагать категорию «понимание» *определяющим признаком* только социологии и главным *критерием ее отличия* от других социогуманитарных дисциплин?

На этот фундаментальный вопрос Вебер ответа не дал. Крайне трудно ответить на вопрос: что понимается под «пониманием»? Следует учитывать, что при определении базисных категорий мышления невозможно избежать круга в доказательстве. Вебер не объяснил, что он понимал под «пониманием». Его определение различия между науками о природе и науками о культуре не дает возможности ответить на поставленный вопрос. В естественных науках объяснение – главная мера понимания мира. Общий смысл понимания принадлежит к фундаментальной философской проблеме: как мы можем знать, что мы знаем? когда мы говорим, что нечто «понимаем», что понимается под «пониманием»? Вебер не был чистым философом и не занимался анализом этих вопросов. Если не входить в специальное обсуждение проблемы отношения между предметом и знаком (словом), то в социальных науках невозможно исключить слова, описывающие человеческие чувства, мысли, волю, действия, намерения. В любом случае понимание этого комплекса базируется на убеждении: существует *аналогия* между нашей психикой и психикой других людей. В результате мы приписываем другим людям те же самые мысли и чувства, которые испытывали в аналогичных обстоятельствах. Если под «пониманием» имеется в виду этот процесс, то никакой Америки здесь Вебер не открыл. Задолго до него в психологии, этике и эстетике существовала традиция именно такого толкования «понимания».

Кроме того, слова, которые описывают чувства, эмоции и мысли людей, невозможно выразить в языке, описывающем физические состояния. Прав-

да, такая тенденция существовала в бихевиористской и материалистической психологии, но она благополучно скончалась. Само убеждение в том, что психика другого человека существует и аналогична нашей, является априорной аксиомой. Ее невозможно ни доказать, ни опровергнуть. Человек может лишь «снаружи» (со стороны) воспринимать внешнее поведение людей. Тогда как приписывание «смысла» такому поведению может происходить путем *подстановки* самого себя на место другого. Однако такая подстановка не поддается эмпирической проверке. Сплошь и рядом можно обнаружить, что наши убеждения относительно чувств и мыслей других людей были ошибочны. Каким же образом можно узнать, что они хоть в отдельных случаях были истинными? Таким доказательством является просто существование общества, в котором люди постоянно заняты указанными процедурами аналогии и подстановки себя на место других. На основе указанных процедур возможно более или менее верное предвидение поведения других людей. Само это предвидение возможно во взаимодействии. Любой социальный порядок рухнет немедленно, едва люди потеряют возможность предвидеть поведение других людей. Здесь Вебер был прав.

Основные линии аргументации С. Андрески состоят в следующем.

Аргумент от нормального (сумасшедшего) человека. Существуют ли объективные критерии сумасшествия или же это только ярлык, которым обозначаются люди, чувствующие и мыслящие иначе по сравнению с большинством? Если согласиться со вторым вариантом ответа, то нет никакого различия между безумием, ересью и инновацией. Тогда принудительная госпитализация сумасшедших и заключение в психушки диссидентов и других сторонников реформ в СССР становится обоснованной. Но на основании этого же критерия нет различия между нашим непониманием шизофреников и непониманием иностранных языков или тех разделов знания (например, математики), которых мы никогда не изучали. Известно также, что обычаи крайне различаются по месту и времени. То, что в одной культуре рассматривается как норма, в другой может трактоваться как признак болезни. Так что провести различие между нормой и ее нарушением весьма трудно.

Однако существуют принципиальное *различие* между указанными способами понимания других людей. Иностранцы, иноверцы, еретики и математики понимают друг друга, взаимодействуют между собой и нередко проявляют больше солидарности, чем «нормальное» большинство. Тогда как способность взаимопонимания между сумасшедшими минимальна. Невозможность взаимопонимания и взаимодействия – это объективный критерий, позволяющий отличать сумасшествие от «девиантного поведения» в виде преступления, проступка, оппозиции к существующей политической системе и стремления к революционному изменению всего существующего порядка вещей. Взаимопонимание характерно и для ситуации конфликта, при кото-

ром важно открыть цели, систему ценностей и знаний противника. На этом основании можно предвидеть его поведение.

Аргумент от *отношения между предметом и знаком*. В общем виде способность объяснения – главный критерий понимания в смысле обладания адекватным знанием о предмете. Однако если отложить в сторону вопрос об адекватности, то для выражения знания требуются разные знаковые системы. А индивиды должны их понимать, т.е. знать смысл каждого знака. Смысл (значение) – это связь между знаком и другими знаками, а также между знаками и предметами (явлениями, процессами). Понимание значения слова еще не означает, что субъект обладает адекватным знанием – способностью объяснения и предвидения явления или процесса, к которому относится данное слово. Например, мы можем понимать смысл слова «прилив» (знать, к чему оно относится), но ничего не знать о причинах прилива и их появлении или исчезновении.

Понимания (во всех указанных смыслах слова) недостаточно для определения социологии как науки о человеке, его отношениях и деятельности. Во всех указанных случаях понимание не выходит за пределы чувственных взаимосвязей между людьми и здравого рассудка. Наука не может ограничиться этими пределами и нуждается в определенном методе познания. Повседневное понимание человеческих действий базируется на рассуждениях, при которых используется категории «цели» и «средства». В исторических исследованиях тоже применяются указанные категории, но процедуры их использования значительно усложняются. И веберовский анализ специфики понимания в исторических науках на примере разбора битвы под Марфеном в этом отношении показателен.

Однако знание в категориях «цель-средства» является донаучным, поскольку оно не связано ни с какими теоретическими утверждениями о причинных связях. Такие утверждения обычно выходят за пределы знания, характерного для участников любого исторического события. Но формулировка и знание таких утверждений необходимо, если мы стремимся объяснить аккумулярованные и ненамеренные последствия любых действий.

В своих сочинениях Вебер крайне беззаботно пользовался термином «понимающая социология», применяя при этом чувственно-эмоциональные и рассудочные процедуры описания человеческих действий и верований. Но он не ограничивался такими процедурами, когда стремился объяснить, каким образом сохраняются и изменяются социальные структуры и системы верований. При таких объяснениях он опирался на сравнительные исторические исследования и применял индуктивные доказательства. Следовательно, трактовка «понимания» как определяющей черты его метода свидетельствует о полном непонимании вклада Вебера в развитие науки.

Вебер нигде не утверждал, что социологические исследования могут ограничиться процедурой понимания. Однако он специально не занимался

проблемой объяснения многозначности понятия «понимание». Тем самым он открыл шлагбаум перед такими интерпретациями данного понятия, которые ведут к отбрасыванию основных принципов научного метода и способствуют обычному обскурантизму и псевдонаучному паразитизму.

С. Андрески показывает, что по этому пути пошло целое направление социологического и антропологического анализа, связанное с именами П. Уинча, который опирался на работы Э. Эванс-Причард, А. Радклифф-Браун. Эта тенденция нашла завершение в современной этнометодологии и феноменологической социологии, социобиографии и тому подобных модных веяний. «Множество «ученых» из-под знака методологии, – пишет С. Андрески, – забросило любые серьезные исследования и убивает время на запись случайно услышанных банальных разговоров, которые ведут между собой придурки и пьяницы. И хотя Вебер не отвечает за это святотатство, его имя и понятие «понимания» используется для придания блеска и интеллектуальной серьезности скучнейшим и пустым разработкам»¹⁰.

Таким образом, понятие «понимания» может относиться только к «сырью» социальных наук – словам, которые фиксируют индивидуальные действия, мысли и чувства. Это сырье можно предварительно обрабатывать на основе процедуры понимания, которая не применяется в науках о природе. Социальная наука начинается в момент выхода за пределы понимания и связана с открытием фактов, теорий и объяснений, которые не могут быть обнаружены без систематического накопления и верификации эмпирических данных и индуктивных доказательств.

Следующая ошибка, связанная с вкладом Вебера в науку, – квалификация его исследований как *первоосновы теории социального действия*. Эту традицию заложил Талкотт Парсонс и она получила широкое распространение. Однако такая интерпретация методологии Вебера не выдерживает критики по следующим основаниям:

Если исходить из того, что социология исследует социальную жизнь как цепь взаимосвязанных действий, то социальная структура и ее элементы (право, организация, обычаи, родство) является системой повторяющихся образцов человеческих взаимодействий. Вебер четко не сформулировал это положение. Однако его замечания о социальных действиях позволяют заключить, что они были направлены против всеобщей тенденции овеществления (отчуждения) социологических понятий.

Вебер не сформулировал теории социального действия ни в одном из возможных значений слова «теория». Он лишь предложил классификацию четырех категорий социального действия – эмоциональное, традиционное, целерациональное и ценностнорациональное. Но эта классификация *ничего не объясняет*, поскольку не позволяет открывать и формулировать общие

¹⁰ *Ibidem*, с. 55.

суждения, в которых содержится истина о дескриптивных и прескриптивных свойствах исследуемых предметов. Указанная классификация ошибочна, поскольку не удовлетворяет требованиям логики: единый принцип деления; исчерпание всех возможных случаев выделенных классов предметов; строгое разделение выделенных классов.

Кроме того, выделение целерациональных и ценностнорациональных действий *бесполезно*, поскольку Вебер не объяснил, в чем различие между целью и ценностью. В философско-методологических рассуждениях он рассматривает понятия цели и ценности как эквивалентные. Следовательно, указанное деление можно отвергнуть. В этом случае цели и ценности могут трактоваться как одно и то же действие, которое базируется на правильных решениях (с точки зрения знания, которым обладает индивид) при выборе средств для достижения данной цели. Но тогда возникают вопросы: могут ли существовать такие действия, которые являются (или не являются) одновременно эмоциональными, традиционными и рациональными? Существуют ли типы действия, которые не помещаются ни в одну из указанных категорий?

Можно исходить из того, что выбор правильного способа достижения цели предполагает, что действие опирается на рациональное решение. Для такого выбора требуется, чтобы индивид осуществил следующие процедуры: детально проанализировал весь состав знания, которым он обладает; проанализировал все возможности и мог предвидеть следствия каждой из них; оценил приобретения и потери (расходы), связанные с любым действием. Так понятое действие является обдуманном, целенаправленным и рациональным.

Но целый ряд человеческих действий не помещается в рамки данного определения (например, действие шофера, когда он резко поворачивает руль, чтобы избежать столкновения; действия, базирующиеся на иллюзиях и т.д.). Во всех случаях можно выделить три разновидности действий: плановые действия, которые базируются на рациональных решениях; плановые действия, которые базируются на иррациональных решениях; неплановые и автоматические действия, которые служат человеческим целям.

Если под эмоциональным понимать действие, связанное с эмоцией, то оно не предполагает и не исключает рациональности. Если под рациональным понимать действие, базирующееся на обдуманном решении, то импульсивное (спонтанное) действие не может быть рациональным. Если под рациональным понимать действие, успешное с точки зрения поставленной цели, то импульсивное (спонтанное) действие может быть рациональным или иррациональным в зависимости от обстоятельств. Все это позволяет отбросить веберовскую классификацию действий.

Далее. При выделении «традиционных» и «рациональных» действий Вебер имел в виду различия между трудом крестьянина и предпринимателя. Первый не способен, а второй способен на инновации. Но это не означает,

что предприниматель поступает «рациональнее» крестьянина. Среда обитания и знания каждого из них не могут сравниваться на основании какого-то одного критерия. Есть множество современных профессий, которые признаются «традиционными» (от проституток, врачей и священников до политиков и идеологов). Значит, при разделении всех действий на «традиционные» и «рациональные» мы имеем дело со смешиванием двух проблем: неизменности образцов поведения; вопроса о том, требуют ли эти образцы размышления или нет. Но в современном обществе сфера шаблонов и стереотипов поведения во всех сферах возросла непомерно. Поэтому Веберовская и связанные с нею типологии (прежде всего множество теорий модернизации, базирующихся на посылке о различиях между «традицией» и «современностью»), *не годятся* для классификации социальных действий. Это относится к типологии в целом. Но если некоторым элементам типологии придать большую строгость (форму), то они вполне эвристичны.

Общая концепция социального действия может быть сведена к утверждению: социальное действие есть взаимодействие индивидов на базе взаимной коммуникации и взаимопонимания. Однако социальная жизнь может рассматриваться как комплекс исключений из этого правила (от нападения грабителя на прохожего до деятельности СМИ), при котором социальное действие принимает однонаправленный характер. Особое значение имеет тот факт, что Вебер подчеркивает необходимость определения социологических понятий. Это положение было доведено до крайности в онтологическом номинализме, согласно которому в социальном мире существуют только индивиды. Такая методологическая позиция базируется на недоказанных посылах, связанных с пониманием термина «существование».

Хотя Вебер не отрицал существование социальных групп, его способ мышления связан с *методологическим индивидуализмом*. Эта методология не предполагает суждений онтологического характера (о природе «действительности» или «бытия»). Но дело в том, что трудно (практически невозможно) избежать отчуждения (реификации) понятий, которые используются для обозначения коллективных действий. В результате общие понятия становятся крайне податливыми для пропаганды. Показательным примером может служить история понятий «капитализм», «социализм», «свобода», «демократия», «фашизм» и т.д. Люди обычно реагируют на них безрефлексивным одобрением или неодобрением. И не размышляют о том, к каким действиям, кем и в каких обстоятельствах относятся данные действия.

Научное исследование общества предполагает тщательный анализ используемых понятий. Однако большинство представителей социальных наук в этом отношении проявляют полную беззаботность. Она влечет за собой уже значительно худшее следствие: сообщество гуманитариев создает большинство языковых шаблонов, которые затемняют и извращают их способ восприятия мира.

Вебер был прав, подчеркивая необходимость постоянного учета в мышлении единичных действий при использовании социологических понятий. В то же время он заложил основы методологического индивидуализма. В отличие от его последователей он не отрицал обоснованности методологического холизма как противоположной процедуры исследования. В общем виде холизм состоит в объяснении свойств индивида свойствами (или природой) группы. Обе позиции (холистическая и индивидуалистическая) имеют право на существование, поскольку в равной степени обоснованы. Здесь – *ядро дискуссии*.

Методологический индивидуализм аналогичен физикализму. Последний гласит, что любое знание может быть сведено к законам физики и суждениям о движении физических тел. «Сводимость» в данном случае означает «выводимость» из законов физики. И хотя существуют аргументы для того, чтобы усомниться в физикализме как онтологической доктрине, его обоснованность больше, чем обоснованность методологического индивидуализма: «Физикализм предлагает редуцировать утверждения о структурах высшего порядка к утверждениям об их элементарных частицах, свойства которых не зависят от того, являются ли они элементами указанных структур или не являются. Свойства атома кислорода остаются такими же независимо от того, соединится ли данный атом с водородом и образует воду, или с углем, образуя двуокись угля. Попутно следует заметить, что стремление «редукции» биологии к химии и физике (которое типично для большинства всех биологов, включая противников физикализма как философской доктрины) касается замены утверждений об органических процессах утверждениями о таких элементах, которые не подлежат изменению в результате факта: они вплетены в данные процессы. Следовательно, речь идет о строго химических элементах и их свойствах, таких как объем, движение, масса. Если бы биологи-механисты высказывались в пользу редукции утверждений об организмах к утверждениям о клетках, они бы попали в тот же порочный круг, что и сторонники методологического индивидуализма, поскольку свойства клетки зависят от природы организма, частью которого является данная клетка. Ни одна клетка сложного организма не может сохранить свои характерные свойства после отделения ее от остального организма. Редукция имеет смысл лишь тогда, когда изучаемые элементы сводятся к такому уровню, на котором они не меняются в зависимости от отношений с различными структурами, к которым принадлежит каждый из них»¹¹.

По отношению к социальной жизни выбор между индивидуализмом и холизмом является *ложной дилеммой*. Ни один из этих подходов не может быть сведен к другому. Оба одинаково важны и необходимы. При исследовании групп надо учитывать установки индивидов и наоборот. Отсюда выте-

¹¹ *Ibidem*, с. 62–63.

кает, что невозможно провести строгую границу между социологией и психологией. Ни одна из них не может доказать собственного преимущества перед другой: «То, чему можно научиться у Вебера по данному вопросу, сводится к утверждению: каждое понятие, относящееся к социальным (групповым) процессам и структурам, должно быть сконструировано таким образом, чтобы вопрос о его применимости к данной ситуации мог быть решен с помощью наблюдения (единичных) действий индивидов. Иначе говоря, каждое социологическое понятие должно обладать критериями собственной применимости, которые могут быть проверены путем наблюдения»¹².

Если учесть этот момент, то веберовское отношение к социологическим понятиям можно согласовать с дефиницией социальных фактов у Эмиля Дюркгейма. Последний определял факты в категориях принуждения, которое они оказывают на индивида. Все социальные действия, происходящие в больших масштабах, предстают перед индивидом как принудительные и неотвратимые. Но сама эта принудительность является не чем-то внешним, а результатом человеческих действий. Отдельный индивид подлежит коллективному принуждению со стороны всех других индивидов. Кумулированный эффект установок других людей ограничивает и принуждает других людей больше, чем тюремные стены.

Следующая ошибка Вебера – *категория идеальных типов*. Различие между идеальным и простым типом состоит в определенности объема (охвата), а не в степени абстрактности содержания идеального типа. В биологии типы относятся к конкретным объектам, но этот принцип не имеет применения в социальных науках. Концепция идеальных типов фиксирует тот факт, что социальные явления (по причине разнородности и изменчивости) могут анализироваться лишь в своих чистых формах, которые недоступны наблюдению. Вебер не первым обратил на это внимание. Самые продуктивные идеализации выступают в наиболее зрелых социальных науках. Например, в экономической теории примерами идеальных типов являются понятия «совершенной конкуренции» или «экономического равновесия».

У Вебера понятие идеальных типов включает два разных смысла: в «Протестантской этике» оно относится к конкретному культурно-историческому индивиду, локализованному в определенном пространстве и времени; в «Хозяйстве и обществе» идеальный тип выступает как общее понятие, которое определяется посредством его общих свойств. Примерами идеальных типов выступают рациональное поведение, чистый рынок, максимизация прибыли, биржа и т.д. В этом случае идеальный тип не связан с пространственно-временными характеристиками и аналогичен понятиям физики (таким как «идеальный газ», «идеальный маятник», «математическая точка»).

---

¹² *Ibidem*, с. 63.

Но если в состав одного понятия входят два противоположных смысла, то его надо отбросить или ограничить одним смыслом. Не требуется особых аргументов для доказательства продуктивности использования понятия идеальный тип в общем смысле. Но и в этом случае термины «чистый» и «совершенный» создают опасность контрабанды оценочных суждений под маской теоретических. В экономической теории примером может служить понятие «совершенная конкуренция», в социологии – «совершенной социальной мобильности». Во всех случаях слово «совершенный» не означает «желательный».

Следует отметить распространенность данной логической ошибки. «Например – пишет С. Андрески – некоторые социологи полагают, что совершенная социальная мобильность имеет место тогда, когда не существует никакой корреляции между социальным положением родителей и детей, и молчаливо считают (без всякого доказательства), что именно такая ситуация является наиболее желательной. Аналогичную ошибку совершают некоторые экономисты, полагая, что наиболее желательным является «совершенный рынок труда», когда люди меняют место работы только на основе мотива увеличить свой заработок. При этом совершенно пренебрегаются связи, в которые люди обычно вплетены (семья, друзья, соседская община, присущая человеку потребность укоренения). Между тем именно мобильность, связанная с «совершенным рынком труда» влечет за собой рост преступности, психических заболеваний и разводов – т.е. явлений, борьба с которыми связана с большими социальными и экономическими расходами. Поэтому маловероятно, чтобы «совершенная мобильность» могла бы быть где бы то ни было оптимальной мобильностью даже с экономической точки зрения. То же самое можно сказать о «чистом рынке», т.е. таком, на котором индивиды руководствовались бы исключительно стремлением к прибыли, а другие мотивы действия и установки (щедрость, честность, сообразительность) совсем не имели бы значения. Существует множество «чистых» (хотя мало «совершенно конкурентных») рынков, но маловероятно, чтобы общество, в котором все социальные отношения подчинены механизмам рынка, может гарантировать счастье его членам»¹³.

Так понятия идеальные типы являются эффективными средствами научного анализа, хотя в буквальном смысле никогда не существуют в действительности. Примерами могут служить понятия «тоталитаризм» и «либеральное государство».

Чистый тип тоталитаризма можно определить как систему, в которой правительство руководит всей жизнью всех членов народа. Такое определение вполне соответствует этимологии названия и позволяет избежать молчаливых посылок о наличии неких дополнительных случайных свойств

¹³ *Ibidem*, с. 66–67.

тоталитаризма (типа террора или идеологии). При этом нетрудно найти доступный наблюдению показатель интересующего нас явления – степень толерантности правительства к существованию независимых от него организаций. Но на деле до сих пор еще не было государства, которое было бы тоталитарным на 100%, хотя в 1950 г. СССР был близок к такому идеалу. Даже Сталин не имел возможности контролировать частоту супружеских измен, онанизма, курения папирос, питья водки, появления бандитских и воровских групп и шаек и т.д.

То же самое можно сказать о либеральном государстве как чистом типе социальной системы, в которой правительство не издает никаких указаний, а существует как орнамент. При этом вся социальная жизнь регулируется добровольными соглашениями свободных союзов, а любое принуждение исключено. Герберт Спенсер предполагал, что именно такая социальная система образует конечную цель социальной эволюции. С этим были согласны Прудон и другие анархисты и синдикалисты, но они больше подчеркивали роль взаимопомощи и солидарности. К. Маркс и Ф. Энгельс тоже с этим были согласны, когда писали об отмирании государства. Но не надо особо доказывать, что такие условия социальной жизни никогда и нигде не существовали.

Проблема осложняется, если к идеальным типам как конкретно-историческим индивидам применить критерий эмпирической проверяемости. В развитых теоретических науках значение эмпирического описания оценивается в соответствии со степенью, в которой оно позволяет решать проблему истинности теории и ее утверждений. В науках эмпирических не существует критерия ценности описаний, а только критерий фактографической правильности. Социальные науки относятся к наукам второго вида. В них метод идеальных типов сводится к описанию идеала поведения индивида, распространенного в той или иной общности. Но этот идеал никогда и нигде не реализуется полностью. Короче говоря, из концепции идеальных типов *невозможно извлечь* никаких конкретных методологических указаний.

Станислав Андрески детально показывает, что большинство веберовских классификаций и дефиниций являются неточными и логически противоречивыми. Примерами могут служить его понятия рациональности, бюрократии и харизмы. Следующий недостаток – крайняя неравномерность внимания Вебера к вопросам дефиниции. Не менее важная ошибка – отсутствие указаний на то, трактуется ли то или иное явление как идеальный тип или нет. Его классификации не удовлетворяют фундаментальным принципам классификации, сформулированным Аристотелем. Наиболее яркий пример – Веберовская классификация типов власти и господства. Она не базируется на одном принципе деления, выделения класса, не анализируется отдельно и не исчерпывает множество явлений, подвергаемых классификации. «Веберовские типы господства – отмечает Андрески – не находятся в генетичес-

ком отношении друг к другу и не могут рассматриваться как стадии однонаправленной эволюции; они не имеют также ни логического, ни хронологического обоснования. Основанием их выделения является интуиция, что самом по себе не может рассматриваться как недостаток, поскольку все новые идеи имеют начало в интуиции. Однако наука должна двигаться от интуиции к порядку и строгости. Поэтому классификация Вебера должна рассматриваться скорее как источник вдохновения и интеллектуальный вызов, а не как готовый научный продукт»¹⁴.

Главные идеи Вебера состоят в анализе открытой причинной связи, формулировке положения о ненаправленной эволюции вместо predetermined эволюционизма и понятии рациональности.

Проблема *открытой причинной связи*. Обычно полагают, что веберовские исследования о влиянии религии на экономику отрицают материалистическое понимание истории (МПИ). Однако этот шаблон снимает проблему причин экономических изменений. Именно при их анализе Вебер отбросил МПИ. Материалистическое понимание истории (включая политическую) опирается на определенные принципы истолкования мотивов человеческого действия. Речь идет об убеждении: борьба за материальные богатства полностью определяет политические союзы и конфликты. Однако такой вывод не подтверждается фактами: множество людей отдали жизнь во имя чести, патриотизма, государства и религии; индус умер с голоду, но никогда не убьет священную корову. Эти факты подчеркивают силу убеждений.

Анализ данной проблемы в категориях идеи против интересов не является правильным, поскольку интересы являются также идеями (представления о себе, своих желаниях, способах их удовлетворения). Что же преобладает в мотивировке человеческих действий: эгоизм и собственные интересы или альтруизм и моральные принципы? На этот вопрос невозможно дать окончательный ответ. С этой точки зрения человеческое поведение дифференцировано. Любые априорные догматы на этот счет не имеют смысла, хотя некоторые обобщения на основе наблюдения можно сделать.

С. Андрески предлагает: конвенциональную историографию начала XIX в. (которая не занималась экономической проблематикой, включая проблему классово́й структуры и конфликтов) признать тезисом; концепцию Маркса и Энгельса трактовать как антитезис; теорию Вебера признать зрелым синтезом. В этом синтезе Вебер уделял много внимания классовым неравенствам и конфликтам, но не приписывал им абсолютного первенства в историческом процессе. Однако задолго до Вебера той же самой проблемой занимались Д. Миллар, А. Токвиль. Значение Вебера заключается лишь в развитии индуктивных обобщений и объяснений.

¹⁴ *Ibidem*, с. 74.

Проблема эволюции. Развивается ли общество в определенном направлении? В социальном знании XIX в. при ответе на этот вопрос преобладал эволюционизм (постулирование аналогии между развитием организма и развитием общества) и органицизм. В органицизме как методологической концепции можно выделить две тенденции: индивидуалистическую, в которой органическое строение общества связывалось с либерализмом эпохи свободной конкуренции; коллективистскую, в которой органическое строение общества связывалось с существованием надъиндивидуальных форм общественной организации (семья, община, нация, государство). Обе тенденции существуют в настоящее время. Г. Спенсер сформулировал положение об универсальных принципах организации, охватывающих неорганический, органический и суперорганический (социальный) мир. Хотя эта идея временно была позабыта, во второй половине XX в. она опять ожила под именем общей теории систем. Вторая тенденция восходит к идеям Руссо, Токвиля, Дюркгейма, а во второй половине XX в. развивается в коммунитаризме.

Кроме того, большинство эволюционистов обычно концентрируются на религии и обществе как главных аспектах социальной жизни. Ряд цивилизационных концепций XX в. считает религию конституирующим элементом социального бытия и на этом основании предлагает ту или иную типологию цивилизаций.

Главный постулат эволюционизма можно определить как веру в прогресс. Эта вера базируется на убеждении: человечество подчиняется универсальным тенденциям развития, которые сложились в прошлом и настоящем и (возможно) будут выступать в будущем. На этом основании эволюция трактуется как процесс постепенных преобразований во всех сферах социальной жизни. Данные преобразования толкуются как необходимые и желательные. Поэтому вера в прогресс связана с оптимизмом.

Вебера нельзя считать эволюционистом, поскольку он не верил в прогресс и не был сторонником оптимизма как специфического мировоззрения. Он сформулировал прогноз о всеобщей бюрократизации по мере укрепления и распространения капитализма, но оценивал эту тенденцию отрицательно. Причем, сам капитализм он рассматривал как явление уникальное, а всю западную цивилизацию как отклонение от «нормального» состояния общества. Именно по этой причине он сосредоточил внимание на объяснении всего комплекса причин, которые не привели к развитию капитализма в других цивилизациях. Например, в отличие от В. Зомбарта Вебер уделял большое внимание феноменам, связанным с недостаточным развитием капитализма.

Итак, развитие европейской цивилизации можно рассматривать как уникальный прыжок в социальной эволюции. Ни один из прошлых и современных эволюционистов этот прыжок объяснить не смог. Объяснить последовательность форм религии и общества чрезвычайно трудно, поскольку первичные источники здесь были и будут предметом чистой спекуляции. В этом

и состоит кардинальная ошибка эволюционистов и цивилизационных теорий. Вебер стремился объяснить данный прыжок с помощью понятия «рациональность».

Станислав Андрески показывает, что само понятие рациональности является самым слабым пунктом веберовской концепции (см. Приложение).

В целом понятие рациональности остается неясным и недоказанным утверждением. Поэтому не следует удивляться, что Вебер ограничился утверждениями о рационализации, не приводя никаких доказательств. Еще более ошибочны веберовские понятия формальной и материальной рациональности, которые используются Вебером в систематической сравнительной социологии при обсуждении множества проблем.

Право. Заслуга Вебера – акцент на сложность взаимодействия права с другими элементами общества. Здесь его вклад сравним с синтезом в диалектике Гегеля: 1) Тезисом можно признать традиционное правоведение, которое до сих пор рассматривает право как нечто духовное или надчеловеческое. Причем, с точки зрения нормативной важности разных толкований, без проникновения в социальные эффекты права и попыток объяснить его внутренние изменения. 2) Антитезисом можно признать творчество Маркса-Энгельса. Они считали право чистым эпифеноменом – отражением экономических отношений, господствующих в данном обществе. 3) Под отрицательным влиянием Маркса-Энгельса синтез Вебера состоял в исследовании взаимодействия экономики и права без принятия любой монистической концепции.

Особенно существенным для социологии права Вебера был упор на экономические интересы юристов. Вебер считал ее замкнутой профессиональной группой, обладающей значительной властью и собственными интересами, а не дополнением класса капиталистов.

Вторая особенность его социологии права – признание значения формальных элементов. Все новые способы понимания и поведения должен был кто-то изобрести. Без изобретения понятия «ограниченной ответственности» не могло бы возникнуть акционерное общество – краеугольный камень современного капитализма. Но здесь мы находимся на зыбкой почве, переполненной контрфактическими вопросами. Невозможно узнать нечто об изобретениях, которые могли быть совершены и применены, но фактически не совершились. Можно доказать, что правовые понятия возникают в ответ на конкретную потребность, в отличие от понятий науки и техники. Правовые понятия более просты и потому менее ограничены внутренними связями.

Но и в социологии права главным виновником ошибок было слово «рациональность» и его производные – веберовское различие «формального» и «материального»: «Когда Вебер говорит о принятии решений, базирующихся на «формальных соображениях» как противостоящих «материальным соображениям», термин «формальный» можно заменить определением

«который соответствует букве закона», а «материальный» – определением «который базируется на этических соображениях» типа «справедливости» или «равенства»¹⁵. Станислав Андрески полагает, что в результате роста законодательства, уменьшения морального консенсуса, увеличения сложности экономики и резких социальных изменений британская и американская правовые системы (не исключено, что и правовые системы других стран) стали на протяжении последних 30-ти лет менее целостными (едиными), а результаты различных правовых действий более трудными для предвидения.

Согласно критериям Вебера во время сталинского террора конституция и другие законы СССР имели чисто фасадный характер, а во время Брежнева были более рациональными, чем в современных странах Запада. Нормы, регулирующие повседневную жизнь людей в СССР, поддерживались более последовательно, чем на Западе. Но главная цель данных норм состояла не в стимулировании, а в предотвращении развития капитализма.

В работах по исторической социологии Вебер высказал множество проницательных замечаний о факторах торможения процесса первоначального накопления, вытекающего из развития промышленности и торговли: грабительский деспотизм; связывающая по рукам и ногам бюрократия; основанная на грабеже и подчиненная демагогам демократия; религиозные ограничения деятельности, приносящей прибыль; инвестиции, взимание процента и использование конъюнктуры; обобществление собственности; ограничение методов производства. А в социологии права, введенный в заблуждение ошибочным понятием рациональности, попал в тупик логического круга.

Религия. В социологии религии Вебера тоже немало ошибочных утверждений. Вебер не учитывал, что магия была заменена наукой медленно и постепенно и пока еще далеко не очевидно, закончился ли этот процесс в медицине (особенно в психиатрии). Кроме того, крестьянские восстания обычно связаны с реформаторскими религиозными движениями, что совершенно упустил из виду Вебер¹⁶. Он считал источником науки христианские догматы, но совершенно не учел совпадение процесса распространения христианства с общим регрессом мысли. Наука начала развиваться только спустя тысячу лет после появления христианства, да и то лишь в тех точках времени и пространства, где позиция клира был значительно ослаблена.

Типы господства. Даже если пренебречь трудностью отделения права от обычая, веберовская типология господства содержит ошибку. Ее можно избежать, если «рациональное» (легальное) господство перевести как «ад-

---

¹⁵ *Ibidem*, с. 118–119.

¹⁶ Например, в Европе единственным восстанием бедняков, которое не было потоплено в крови, было восстание украинских казаков и крестьян под руководством Хмельницкого. Они избежали погрома со стороны польской шляхты потому, что подчинились Москве.

министративная власть». Это соответствует контексту, в котором употреблялось данное понятие у Вебера: он имел в виду власть, осуществляемую вне и внутри организованной административной иерархии. С учетом этого можно понять противоречие: в систематической социологии Вебер утверждал, что бюрократия является одной (если не единственной) из рациональных форм власти, тогда как в политических сочинениях посвятил много места критике ее глупости.

Бюрократия. В книге М. Олброу «Бюрократия», посвященной истории понятия, показано, что веберовское понятие имеет исключительно пейоративный характер. Веберовское перечисление основных свойств бюрократии банально. А его характеристика бюрократии не соответствует идеальному типу, поскольку прекрасно относится ко всем гражданским и военным службам современных государств. Квалификация любой чиновничьей машины как бюрократии ошибочно, поскольку этот термин был изобретен и используется до сих пор для определения роста власти чиновников и различных недостатков в функционировании административных учреждений. Этот термин тоже отягчен политическими эмоциями.

С. Андрески предлагает четыре разных термина, связанные с понятием бюрократии: 1) Совокупность (множество) людей, исполняющих административные функции способом, описанным Вебером. 2) Сеть отношений, в которые они вовлечены. 3) Сфера власти, которой они располагают. 4) Различные нарушения деятельности административной машины.

В государстве с частной собственностью класс чиновников состоит из двух элементов: менеджеров и государственных чиновников. Если они сильны, их можно назвать бюрократами. С точки зрения этимологии термин должен использоваться для описания третьего значения, когда власть администрации сильнее любой другой власти группы лидеров и потому бюрократия доминирует в данном обществе. Например, после ликвидации «культы личности» советская бюрократия достигла совершенства при Брежнев, который поднялся на вершину власти как дисциплинированный чиновник.

Для четвертого значения Андрески предлагает термин «бюропатия» (сокращение от «бюрократическая патология»), описывает его свойства и соглашается с Аристотелем: любое правительство податливо на коррупцию и обычно оказывается плохим. По его мнению, сегодня стало ясно, что развитие бюрократии является одним из главных факторов социальных изменений. Но это не было очевидно в конце прошлого века, когда политические мыслители ожидали прогресса демократии и свободы, а не прогресса бюрократической власти. Прогноз Вебера о неизбежной бюрократизации социальной жизни – одно из лучших социологических предвидений всех времен. Особое значение имеет признание Вебером свободного частного предприятия главным фактором роста бюрократизации. Он полагал, что фабричная дисциплина исключает социализм.

Марксово предсказание о крушении буржуазии опиралось на «закон концентрации производства» – вполне удовлетворительную генерализацию и интеллектуальное достижение Маркса и Энгельса (хотя у них был предшественник Сисмонди). Однако предсказанного влияния концентрации производства на средний класс не произошло по двум причинам: промышленные корпорации создали возможность концентрации производства без одновременной концентрации собственности; произошло огромное разрастание административного персонала внутри частных фирм и государственной машины. Традиционный средний класс состоял из мелких купцов и независимых ремесленников. В XX веке он потерял значение и был замещен мощным классом бюрократов. Поэтому Вебер был прав в том, что капитализм и социализм неизбежно ведут к бюрократизации. Одновременно он считал, что бюрократизация общества в конечном счете ослабит капитализм.

По мнению Андрески, бюрократия будущего (благодаря прогрессу науки и социальной адаптации) может быть более мягкой, чем во времена Вебера, и более склонной к манипуляции, нежели к выдаче приказов. Но тезис Вебера о неизбежной бюрократизации попрежнему актуален.

Харизма – единственная идея, возникшая у Вебера под влиянием Ницше. Это понятие является чисто словесным изобретением. Именно по этой причине оно проникло в СМИ и повседневный язык. Стало субститутутом понятий «честь», «престиж», «высокое положение», «авторитет». Как аналитический термин оно может использоваться только в узком смысле. Харизматический вождь притягивает к себе людей и добивается их послушания только путем убеждения или обращения в веру, а не получает власть на институционализованной основе. Основатели различных идеологических сообществ (групп) соответствуют данным критериям, если они не используют в своей деятельности аппарат насилия и взятки. Преобразование харизматического руководства может называться институционализацией, а не рутинизацией. Но Вебер не разделял ни традиционного (представление хода событий как случайного результата свободных решений великих людей), ни историцистского (сторонники теории предопределения, когда история изображается как реализация предустановленного хода событий) изображения истории.

Феодализм и патримониализм. Вебер разделял феодализм на ленный и должностной, между которыми находятся различные другие формы феодализма. Под патримониализмом он понимал такой тип государственного строя, при котором не существует никаких институциональных ограничений власти монарха, который рассматривает территорию и население государства как свою собственность и управляет страной при помощи личных слуг. Доиндустриальные государства можно признать смесью элементов патримониализма, феодализма и бюрократии. Большую часть всеобщей истории можно рассматривать как процесс сосуществования и различных пропорциях указанных трех элементов.

Объяснение генезиса капитализма – главная тема исторической сравнительной социологии Вебера. Она включает:

Исторические исследования. Знание иных обществ и постоянная способность сравнения полезны при анализе конкретного общества, особенно при установлении причинных связей. Исследования Вебера не являются ни экономической, ни политической, ни военной историей, а действительной историей структур. Они показывают, как экономические изменения влияли на религию, инновации в военной технике влекли за собой преобразования социальной стратификации, разделение политической власти тормозило развитие капитализма и т.д. С точки зрения теоретических обобщений работы Вебера дают больше, чем труды Фрезера, Ратцеля, Шпенглера, Вестермарка и Тойнби. Его анализ Китая и Индии находится вне конкуренции как холистический вариант социологического анализа.

Тезис о противоположности между *разбойничьим и производительным капитализмом*. Капитализм как главный предмет исследования сблизил Вебера с Марксом больше, чем с кем-либо из предшественников. Но у последнего много противоречий. С. Андрески описывает *общие ошибки Маркса и Вебера*.

Ни тот ни другой не писали ясно и точно, оставляя много места на домыслы о том, что они хотели сказать нам «на самом деле». Тексты Маркса переполнены противоречиями, поскольку он часто менял взгляды и постоянно колебался между ролью ученого и пропагандиста. В «Манифесте коммунистической партии» Маркс и Энгельс проповедуют теорию однопавленной и необходимой эволюции, а также технологический детерминизм, согласно которому феодализм был результатом изобретения водяного колеса, а капитализм – паровой мельницы. Однако нет оснований ожидать очередного технического изобретения, в результате которого возникнет социализм. Маркс-Энгельс сами противоречат своему экономическому детерминизму, поскольку предлагают вводить социализм с помощью политических средств. В научных трудах они тоже часто ссылаются на свои примитивные телеологические объяснения, соответствующие догмату о неизбежной однопавленной эволюции¹⁷.

---

¹⁷ Например, английскую революцию они признают необходимостью развития капитализма, который, в свою очередь, будто бы был неизбежной исторической необходимостью. (Такое «объяснение» повторяется даже в новейшей литературе, хотя бы в трудах известного оксфордского историка Кристофера Хилла). Определенные части «Капитала» и «Экономических рукописей», а также анализ так называемого «азиатского способа производства» содержат рассуждения относительно причин и условий появления капитализма. По мнению Маркса, одним из таких условий было появление класса рабочих, которые не обладали средствами производства, а продавали только рабочую силу. Этот класс сформировался главным образом в результате экспроприации земли у крестьян. Другим условием было появление класса людей, которые имели достаточно денег для покупки чужого

Не подлежит сомнению, что процессы, которые Маркс называл «первичным накоплением», действительно существовали. Однако автор «Капитала» неправ, когда говорит о последствиях данных процессов. Здесь он совершает ошибку, которая состоит в объяснении чего-то специфичного (способа производства, возникшего впервые в Великобритании) на основе всеобщего – накопления богатства, основанного на насилии. Конечно, судьбы рабочих в период промышленной революции были печальными, но не хуже судеб бедноты во всех доиндустриальных обществах. Римские рабы на галерах, русские бурлаки на Волге, китайские рикши, индийские кули, перуанские шахтеры, добывающие золото и серебро для испанцев, жили не лучше рабочих Ланкашира. Если бы первичное накопление было решающим фактором, то промышленная революция произошла бы уже в Древнем Риме и даже Египте. А если бы по каким либо причинам она должна была запаздывать до Нового времени, то появилась бы не Англии, а в Испании, переполненной награбленным в Северной и Южной Америке золотом и серебром. Именно Макс Вебер строго обосновал этот вывод.

Здесь мы наталкиваемся на одно из озарений Вебера – его идея о различии между «рациональным» (т.е. промышленным) и «иррациональным» (разбойничьим, ростовщическим, политическим) связана с положением: именно второй тип капитализма был всеобщим (даже естественным). Тогда как первый был исключением, требующим особого объяснения. Иначе говоря, чтобы объяснить появление промышленного («рационального» и «современного» в языке Вебера) капитализма, надо открыть факторы, которые склонили денежных людей прежде всего к бережливости (а не к престижному стилю жизни), а затем к инвестированию в производство, а не потребление благ¹⁸.

Вебер был прав: феномен первичного накопления ничего не объясняет. Не менее показателен тот факт, что промышленный капитализм нигде не развился скорее, чем в США. То была страна независимых мелких собственников-фермеров. Она была свободнее всех от крупной земельной собственности, а также от других форм первичного накопления. Показательно, что Юг США (где значительное первичное накопление выступало в форме рабства) не сыграл никакой роли в этом развитии. В царской России, Южной Италии и Латинской Америке средства, накопленные в результате интенсивного первичного накопления, были паразитически растрacены. В Англии на-

---

труда. Это стало возможным в результате так называемого «первичного накопления капитала», источники которого – земельная рента, грабительская торговля, территориальные захваты, грабеж золота и серебра в Америке.

¹⁸ Любимым примером политического (разбойничьего) капитализма для Вебера были римские налоговосборщики, которые не только ни в малейшей степени не способствовали развитию производства, но разрушали целые провинции в результате налогового грабежа.

кануне промышленной революции тоже существовало престижное потребление. Богатство (доходы от пиратства, торговли рабами, грабежа Индии, монопольной королевской торговли) предназначалось для содержания больших имений и роскошной жизни королевского двора. Новые методы производства финансировались из небольшой прибылью и сбережений мелких производителей. Их трудно назвать капиталистами, хотя такой ярлык вполне соответствует множеству их наследников, которые жили во времена создания Марксом своих работ.

Под сильным влиянием Маркса Вебер пользовался словом «капитализм», хотя здесь более подходит термин «индустриализм», введенный Сен-Симоном. Маркс жил полвека спустя после Сен-Симона. Но не учел двух факторов, которые Сен-Симон считал решающими для современности: научные исследования; организацию. С этой точки зрения взгляды Маркса соответствовали отношениям, господствующим во Франции во времена «старого порядка», в Пруссии периода его молодости, но никоим образом не Англии, в которой он жил. Если лишить теорию труда как источника стоимости и понятие прибавочной стоимости эзотеричной многозначности, они сводятся к утверждению: только работники физического труда действительно что-то производят, тогда как руководители предприятий не имеют в производстве никакого участия и потому не заслуживают на участие в результатах производства.

Иначе говоря, разделение на производительные и управляющие классы – общее свойство доиндустриальных обществ. И только в промышленной цивилизации впервые в истории привилегированные классы стали большинством. Они активно участвуют в производстве, но главным образом в организации и руководстве процессом производства. Постоянный рост значения в процессе производства роли организаторских, руководящих и изобретательских функций по сравнению с чисто физическим трудом – исключительное свойство промышленной цивилизации. Сегодня это известно хорошо. Но достижение Сен-Симона было большим, поскольку он разглядел это свойство в начале XIX в.

Хотя Вебер не сформулировал этот пункт ясно, а Сен-Симон упоминает о нем только однажды, Веберовский тезис о влиянии протестантизма движется именно в этом направлении. Он стремился объяснить связь между богатством и участием в производстве, отсутствующую в другие эпохи. Во всех цивилизациях работают обычно бедные. Почему же богатые страстно бросаются в мир труда? Почему Карнеги, Форд, Рокфеллер, Эдисон и множество других предпринимателей и изобретателей постоянно напрягались, хотя вполне могли вести жизнь сибарита? Возможно, они были чудаками. Но эксцентричность отдельных индивидов не в состоянии объяснить массовое появление миллионов предпринимателей, не нуждающихся в работе ради удобной жизни, но постоянно работающих и бережливых. Ссылка на

жадность ничего не объясняет, поскольку не дает ответа на вопрос: почему в одних временах и странах люди более жадны к прибыли, чем в других? В любом случае предпринимателей, создавших капитализм, нельзя считать более жадными, чем богачи других обществ. Достаточно вспомнить способ заключения браков среди богатой земельной аристократии. Истина в том, что пионеры промышленного капитализма среди богатых других классов и культур отличались бережливостью и трудолюбием.

Вебер дал собственное толкование особого феномена *взаимосвязи капитализма и религии*. В данном контексте Андрески сравнивает взгляды Вебера на протестантизм, католицизм, иудаизм, конфуцианство, индуизм.

Хотя Реформация благоприятствовала направлению инвестиций в производство, совершенного капиталистического общества не существует. Однако производственное использование капитала меньше связано со скрытой прибылью, чем паразитическая эксплуатация ресурсов и благ. Если единственный мотив деятельности индивидов – беспредельное стремление к прибыли, то государственная администрация разлагается, а это, в свою очередь, делает невозможным развитие капитализма. В отсталых странах нет граждан в политике и честности в экономике. Протестантизм способствовал культивированию гражданских добродетелей, необходимых для надлежащего функционирования государства. Поэтому он опосредованно повлиял на развитие капитализма.

Вебер считал, что евреи не могли быть инициаторами возникающего капитализма из-за «двойной морали», которая приводила к тому, что невозможно было предвидеть результат осуществляемых торговых операций. «В то же время ясно – пишет Андрески – что эта склонность не принадлежит к сущности иудаизма и вполне может быть объяснена тем, что она была результатом ответа на преследования евреев и презрения, которое они пробуждали»¹⁹. К тому же есть эмпирические доказательства того, что большое число евреев не благоприятствует развитию капитализма. Евреев было намного больше в отсталых странах Восточной Европы, нежели в развитых капиталистических странах.

Китайская экономика удовлетворяла многим условиям, необходимым для возникновения капитализма: в Китае существовал развитый транспорт, деньги, мирная торговля, высокоразвитое ремесло. Но развитие капитализма было заблокировано бюрократическим государством, которое наложило цепи на предпринимателей. Чиновники относились к купцам злорадно и оскорбительно и использовали множество средств, чтобы их угнетать. Поэтому можно полагать, что конфуцианство действительно помешало развитию китайского капитализма, но не с точки зрения влияния на поведение людей, за-

---

¹⁹ S. Andreski, *Maxa Webera olśnienia...*, s. 167.

нимающихся торговлей и промышленностью, а потому что оно служило (как политическая формула) укреплению бюрократического государства.

Индуизм благоприятствовал развитию социального паразитизма, культивируя среди трудящихся масс безразличия и полного подчинения судьбе. Эта форма религии была наиболее сильным «опиумом для народа», благоприятствующим социальному паразитизму и жесточайшей эксплуатации, лишаящих производство необходимой энергии и средств.

Этика и экономика. Несмотря на противоречия Веберовской концепции, можно согласиться с его общим тезисом: стремление к прибыли как разновидность всеобщего стремления к наживе нельзя признать причиной торгового и промышленного прогресса Запада. Однако под влиянием смутного понятия рациональность Вебер не был последователен в объяснении связей между этикой и экономической деятельностью.

Протестантизм способствовал росту честности и уважения к законам. Правда, Вебер смешал честность с рациональностью, пренебрегая фактом: если мошенничество успешно, оно может быть вполне рационально. В то же время он осознавал значение честности в экономическом прогрессе. Это выражается в его утверждении: поскольку евреи руководствовались «двойной моралью», они не смогли развить «рациональный капитализм».

По мере экономического развития возникают институциональные гарантии против примитивного мошенничества и грабежа. Но это не значит, что возрастает уровень честности и уважения к закону. Наоборот, существует множество доказательств, что этот уровень систематически понижается по мере развития государственной машины: «Если правители используют грабеж, а судьи, чиновники и полицейские берут взятки, то это не только понижает предвидимость любых экономических операций, но и сами эти операции вовлекаются в конспирацию и насилие»²⁰.

Поскольку ни либеральное, ни советское государство не смогли искоренить эти явления, С. Андрески критикует либералов и марксистов одновременно. Те и другие убеждены, что есть одно лекарство для излечения всех болезней. Частная собственность и свободный рынок в либеральной доктрине выполняют ту же роль, что коллективизация и центральное планирование в СССР. «Догматики свободного рынка не учитывают факта: он хорошо действует только тогда, когда не охватывает всех социальных отношений (...). Расширение рыночных отношений на все сферы общественной жизни извращает действие правил рынка даже там, где он является наиболее подходящим механизмом»²¹. «Следует также отметить, что в пропаганде доктринеров свободного рынка нетрудно обнаружить отсутствие последовательности. С одной стороны, они утверждают: стремление к на-

²⁰ *Ibidem*, с. 173.

²¹ *Ibidem*, с. 8.

живе является постоянным здоровым инстинктом, и даже основой организации социальной жизни. С другой стороны, либералы критикуют разные группы (особенно профсоюзы) за использование политического давления с целью увеличения своей доли в национальном богатстве. Но почему же надо отказываться от силы при достижении корысти, если не существует никаких моральных соображений, в соответствии с которыми надо тормозить стремление к прибыли?»²².

В любом случае необходимым условием промышленного развития является исключение деспотизма – сведение к минимуму силы властвующих и бюрократии. Инвестиции в производство эффективны только тогда, когда никто не обладает такой властью, которая позволяет по собственному произволу грабить собственность других. Конституционализм (конституционное ограничение применения силы, роль права и законодательных учреждений) – это краеугольный камень государственности, в которой охраняется собственность. Реформация способствовала эволюции государства как раз в этом направлении, несмотря на то, что лютеранство и англиканство отличались политическим холуйством. Существовала гармония между демократической организацией пуританских церквей и представительными институтами государства. Кальвинизм способствовал развитию самодисциплины правящих и их посвящение себя деперсонализованной идее государства, стилизуя специфическое *идолопоклонство государству*.

Строгое соблюдение принципов права и морали в протестантизме вытекает из факта: Священное писание было поднято до ранга исключительно источника знания в вопросе добра и зла. Это подорвало руководящую роль клира. Но квалификация такого явления как рационализации совершенно ошибочно, поскольку вера в писанное слово ничуть не рациональнее веры в устную речь.

Вплоть до энциклики Льва XIII 1891 г. частная собственность рассматривалась как необходимое (неизбежное) зло, обусловленное порчей человеческой природы. Но это не препятствовало обогащению церкви как института (монастыри и монашеские ордена) и высших духовных лиц, не говоря о папе. Такая ситуация была наиболее показательным примером того, что церковь нарушает провозглашаемые ею же принципы.

И хотя нарушение принципов – неотъемлемая черта социальной жизни, в протестантской общине уменьшилось расхождение между обязательными нормами и действительным поведением. Это двояко повлияло на развитие промышленности и торговли: возрос уровень честности и ответственности в экономической (хозяйственной) деятельности; это стимулировало генезис такого государства, которое соблюдало гражданское право (включая право собственности) и функционировало в соответствии с определенными прин-

---

²² *Ibidem*, с. 175.

ципами. Всеобщее осуждение лени и отсутствия самодисциплины, связанное с уважением к труду, также благоприятствовали росту бережливости и проведению инвестиционной деятельности.

Положение городов и военный фактор. Более развитые формы капиталистического производства и обмена могут возникнуть только тогда, когда: в городах доминирует купечество, а не бюрократия, духовенство и военные; купцы сильны для защиты своей автономии, но не настолько, чтобы жить за счет эксплуатации крестьян или за счет государственного империализма.

Из всего сказанного вытекают отличительные черты культуры Запада: 1) Создание системы правовых (а не чисто практических) ограничений власти монарха. Последней стадией этого процесса была полная элиминация монархической системы и замена ее правлением избираемых функционеров и коллегиальных учреждений. 2) Отбрасывание принципа божественности власти – отличительной черты восточного деспотизма. 3) Автономия и внутреннее единство городов.

Эта культура способствовала генезису производительного (промышленного, рационального) европейского капитализма – в отличие от непроизводительного (паразитического, иррационального) древнего и восточного капитализма. Только производительный (т.е. западный) тип капитализма способен к саморазвитию. Паразитический капитализм рано или поздно заканчивается самоубийством, поскольку он потребляет и уничтожает богатство, а в лучшем случае опирается на трансфер богатства. Выделение производительного (промышленного) и паразитического (политического) капитализма связано с разделением городов на города производителей и города потребителей. Но надо помнить, что города всегда были центрами эксплуатации и потребления, а не производства.

[znaków 87 726]

Przedmiotem tekstu jest analiza krytyczna książki Stanisława Andreskiego „Maxa Webera olśnienia i pomyłki”. Autor formułuje tezę, zgodnie z którą autorytet mistrza nie może być przeszkodą w przeprowadzeniu krytycznej analizy jego dzieła. Im większym cieszy się on autorytetem, tym bardziej dogłębna i krytyczna pod względem merytorycznym i metodologicznym winna być analiza jego dzieła. Teza ta dotyczy szczególnie twórców nowoczesnej nauki społecznej (Marksa, Webera, Nietzschego, Parsonsa, Poppera i innych). W wypadku M. Webera ważną jest także analiza ukrytych założeń jego teorii, motywów osobistych, jakimi się kierował, a także towarzyszących zwrotów w procesach społecznych. Koncepcja powinna również zostać skonfrontowana z wynikami badań historycznych. W konkluzji autor stwierdza, że teoria Webera może być stosowana do wyjaśniania aktualnych procesów społecznych po uwzględnieniu badań historycznych.

The article is concerned with the critical analysis of Stanislav Andreski's book, "Max Weber's insights and errors". The author puts forward the thesis according to which the authority of the scholar cannot be an obstacle for accomplishing the critical analysis of his work. The more one enjoys the authority, the more thorough and critical in terms of content and methodology should be the analysis of his work. This thesis applies particularly to the founding fathers of modern social science (Marx, Weber, Nietzsche, Parsons, Popper and others). What is also imperative in M. Weber's case is the analysis of the covert assumptions of his theory, of the personal motives that guided him, and of the concomitant turns in social processes. The concept should also be confronted with the results of historical research. The author concludes that Weber's theory can be applied to explain current social processes on taking into account the historical research.